

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.64.6>

**СОДЕРЖАНИЕ И СООТНОШЕНИЕ МЕТАКОНЦЕПТОВ «ЯЗЫК» И «ВРЕМЯ» В ПОЭЗИИ С.А. ГОНЦОВА
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ», «ДЕТСТВО. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВЕЧЕРНИ»,
«ОБРЫВ»)**

Научная статья

Гусева Е.Н.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9581-6632;

¹ Рязанский государственный медицинский университет, Рязань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lennona[at]inbox.ru)

Аннотация

Статья посвящена вопросу реализации метаконцептов «язык» и «время» в поэтических текстах С.А. Гонцова на примере стихотворений «Восточные мотивы», «Детство. Возвращение с вечерни» и «Обрыв». Автор указывает позиции современных исследователей на содержание термина «метаконцепт». Цель статьи – выявить содержание и соотношение метаконцептов «язык» и «время» в перечисленных поэтических текстах. Особое внимание уделяется проявлению хронотопа и ценностных составляющих рассматриваемых метаконцептов, таких как «свобода», «слово», «имя», «церковь». Подчеркивается важность выбора цветовой палитры в каждом стихотворении. Автор приходит к выводу, что метаконцепт «язык» находится в доминантной позиции по отношению к метаконцепту «время».

Ключевые слова: метаконцепт, хронотоп, время, язык, дорога, поэзия, С.А. Гонцов.

**THE CONTENT AND CORRELATION OF METACONCEPTS “LANGUAGE” AND “TIME” IN THE POETRY OF
S.A. GONTSOV (ON THE EXAMPLE OF THE POEMS “EASTERN MOTIVES”, “CHILDHOOD. RETURN FROM
EVENSONG”, “THE PRECIPICE”)**

Research article

Guseva E.N.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9581-6632;

¹ Ryazan State Medical University, Ryazan, Russian Federation

* Corresponding author (lennona[at]inbox.ru)

Abstract

The article is dedicated to the issue of implementation of metaconcepts “language” and “time” in the poetic texts of S.A. Gontsov on the example of the poems “Eastern Motives”, “Childhood. Return from Evensong” and “The Precipice”. The author points out the positions of modern researchers on the content of the term “metaconcept”. The aim of the paper is to identify the content and correlation of the metaconcepts “language” and “time” in the listed poetic texts. Special attention is paid to the manifestation of the chronotope and value components of the examined metaconcepts, such as “freedom”, “word”, “name”, “church”. The importance of the choice of colour palette in each poem is emphasized. The author concludes that the metaconcept “language” is in a dominant position in relation to the metaconcept “time”.

Keywords: metaconcept, chronotope, time, language, road, poetry, S.A. Gontsov.

Введение

Время как объект и инструмент исследования всегда привлекало поэтов. Поэзия, по мнению Х. Сэлинджера, ритмичная по природе, это само достояние и сущность Времени [17, С. 157]. Как считает М. Розенталь, стихотворение, написанное на любом языке, это трансляция культурного кода автора, совокупности его точек зрения и отношений в попытке несовершенного подражания [16, С. 9]. И.А. Бродский дает еще более точное и емкое определение: «Стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [1, С. 823]. И он же утверждает, что «начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, <...> часто его мысль заходит дальше, чем он рассчитывал». Поэтическое высказывание Одена о том, что время боготворит язык, стало в свое время открытием для Бродского. Создавая стихотворение посредством интуиции и откровения, поэт может оказаться там, где до него никто не бывал, и дальше, чем он сам бы желал.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

- 1) раскрыть суть термина метаконцепт;
- 2) определить содержание и характер взаимодействия метаконцептов «время» и «язык» в указанных стихотворениях;

3) предложить интерпретацию компонентов данных метаконцептов с позиции реципиента поэтического текста.

Применяемые подходы: сравнительно-сопоставительный, метаконцептуальный, описательно-аналитический.

Материалы исследования:

1) Гонцов С.А. Стихи // Литературная учеба. — 1990. — № 2. — С. 13–23;

2) Гонцов С.А. Вторая навигация / С. Гонцов. — СПб. : Русская культура, 2023. — 134 с.

Основные результаты

Суть метаконцептуального подхода выводится из взаимодополняющих трактовок термина «метаконцепт». Этимология слова «концепт» отсылает к латинскому глаголу *concipere* (букв. взять и держать, нести в себе некое бремя), где приставка *con-* означает «с, вместе» и глагол *capere* – «взять, схватить», который восходит к PIE корню **kar-* «взять» [15]. С.И. Меньшова указывает на наличие понятийного, образного и ценностного компонентов термина [10, С. 86]. А.Г. Лошаков подчеркивает модально-оценочный компонент метаконцепта [9]. По мнению А.Д. Ефимовой, «метаконцепт является составной частью структуры концепта (включающего вербальные и невербальные слои; осознаваемые, частично осознаваемые и неосознаваемые) и основан на рефлексии носителей языка относительно концепта как многоуровневого образования» [4, С. 424]. С.Г. Проскурин считает, что «в языке актуальна дихотомия ценностей индивидуума, противопоставленная метаконцептам наблюдателя в культуре» [11, С. 339]. Я.М. Колкер предлагает понимать термин метаконцепт не как совокупность концептов, а связующее звено между разными сферами человеческого опыта, инструмент познания, инструмент сопоставления и категоризации опыта [6, С. 108]. Такая трактовка метаконцептуального подхода позволяет реципиенту поэтических текстов сравнить исследуемые произведения на предмет реализации хронотопа, количественно-качественных характеристик, наличия/развития конфликта, симметрии/асимметрии, времени написания и т.д.

Итак, поэт следует за мыслью. Отдается ли он при этом потоку сознания или находит тот самый, единственно возможный поворот в процессе поиска рифмы, – вопрос мастерства и везения. Есть замысел творца, строителя стихотворного текста строкой за строкой, и Замысел Творца, дающего творческую реализацию тому, кто этот дар может принять. Замысел – «ключевое слово в той духовной постройке, которую <...> возводит», по мнению И.И. Ростовцевой, современный русский поэт Сергей Александрович Гонцов [13, С. 237]. Возводит, осмысливая вечные апофатические понятия такие как Дух, Красота, Свобода, Слово, Время. Возводит, становясь «золотым растением» в руках Творца, извлекая из молчания природу этих смыслов, тем самым делая их достоянием языка-знака, потому что «смысл, будучи осуществлён в виде некоей субстанции, уже как-то выходит из своей самозамкнутости и как-то выражается вовне» [8, С. 344].

Начнем анализ произведений с проявления хронотопа. Стихотворение «Обрыв» уже рассматривалось нами на предмет выражения пространственно-временных и субъектно-объектных отношений [3]. В стихотворении «Детство. Возвращение с вечерни» (далее «Детство») аспект «место» складывается из нескольких компонентов. Это только что покинутая церковь. Воздействие вечерней службы на лирического героя так велико, что образ храма не покидает читателя на протяжении всего стихотворения, объединяет и связывает прочие составляющие «места». Это зимняя дорога, бесконечная прямая, по которой (здесь пространственно-временной континуум сжимается до точки) летят сани. В стихотворении «Восточные мотивы» место так же представляет собой дорогу, но в отличие от «Детства» дорогу, приближающуюся по степени абстракции к метафоре жизни конкретного человека и собственно бытия. Аспект «время» в «Детстве» – это отсылка в детство лирического героя. Использование презентных форм подчеркивает яркость воспоминаний и важность пережитого события. В «Восточных мотивах» временной компонент можно определить как сейчас и всегда.

Несмотря на наличие прошедшего времени в двух последних катренах, читатель чувствует, что описываемое переживание каждой отдельной жизни будет повторяться вновь и вновь. *Лирический герой* «Детства» – ребенок, отрок; в «Восточных мотивах» лирический герой конкретизируется от строфы к строфе: вначале это некто, чье присутствие только ощущается, затем он превращается в веселого отрока, во второй половине стихотворения контур героя наращивает одну за другой событийные оболочки и вот, наконец, трансформируется в полноценное «я». Это «я» – сплав лирического героя, автора и читателя, что служит подтверждением высказывания Бродского «стихотворение есть продукт взаимного одиночества писателя и читателя» [1, С. 818]. Н. А. Шипилов в послесловии к подборке стихов Гонцова говорит, что поэт как бы отсутствует в своих стихах. «Это «я» каждый человек, живший, живущий и могущий жить на земле, в Поднебесной». Если рассматривать реципиента текста с позиции «когнитивной дихотомии субъекта культуры и наблюдателя», предложенной С.Г. Проскуриным [11, С. 338], поэт предстает именно наблюдателем в своем произведении, отстраненным и непредвзятым.

Дополнительный компонент хронотопа, ответ на вопрос «Что происходит?», в «Детстве» мы бы назвали экстатическим осознанием слияния вечности и времени в одном моменте, обнуления («все забыто – время, имя»), опасного приближения к истине («взгляд блистает в двух вселенных», «неземная благодать») и надежды на спасительную силу слова. Это осознание сопровождается стремительным движением в сравнительно небольшой отрезок времени. В «Восточных мотивах» движение тоже присутствует, но оно более плавное, уравновешенное, с отклонениями от основного пути. Ответ на вопрос «Что происходит?» остается тем же: осознание и принятие самодостаточности и цельности вечного бытия независимо от течения времени и сменяющихся друг друга миров.

Отдельно стоит упомянуть цветовые решения в обоих стихотворениях. В «Детстве» преобладает темный, черный. Это и «церковь темная», мистическая и завораживающая, и «небо чудное в камнях, неземных и драгоценных», небо в алмазах, метафора звезд, прикосновение к вечному и священному. Но и взгляд лирического героя тоже под стать звездам, «блистает в двух вселенных». Мир, не просто окружающее в тот момент пространство, «прошит черной нитью» – это цельная, крепкая, непостижимая твердь. И вот в момент наивысшего переживания появляется всадник с крыльями златыми. Золотое на черном – почти иконописный прием, подсвечивающий момент соединения вечности и времени. В «Восточных мотивах» начало пути лирического героя отмечено зеленым цветом. То ли сам герой, то ли окликнувшая его Свобода, держит зеленую ветку. Возникает ассоциация с пальмовой ветвью, с рождественской елью, это разрешающий сигнал, призыв ступить на путь. Золотым окрашены выходящие с Востока холмы. Золотые, потому что освещены солнцем или потому что хранят множество тайн, ценность которых превышает золото? Полагаем, что каким бы ни был ответ читателя, он будет правильным. По мере нарастания драматизма («шумит непогода») в отдалении появляется белая церковь, как маяк, ориентир в пути, упорядочение и утешение.

Интересен выбор лексических средств: «ясноокая свобода», «вольная дорога», «раздольное», как у Бога, мышление — это полногласные звучные образы, которые, хоть и не окрашены в какой-либо цвет, дают ощущение «невыносимой легкости бытия», свободы выбора, того самого *libre arbitre*, от которого никуда не деться, выбор путника всегда остается его выбором. Здесь в единстве плана выражения и плана содержания наряду с денотатом и сигнификатом большую роль играет фонема, «появление которой напрямую связано с материей (меонизацией бытия)» [5, С. 19]. Невольно возникает параллель с восприятием звука и цвета Артура Рембо. Его «о» это, в переводе М. Кудинова, «первозданный Горн, пронзительный и странный, безмолвье, где миры, и ангелы, и страны – Омега, синий луч и свет ее очей». Упоминание горна не случайно, мы к нему еще вернемся. Так же и выражение «белый свет», это не просто мир, это священное, одухотворенное пространственно-временное целое.

Тема дороги, пути, пронизывает оба стихотворения и наряду с компонентами хронотопа является частью метаконцепта «время». «Детство» и «Восточные мотивы» объединяет идея движения к себе, к познанию самого себя, к познанию Бога внутри себя. «Даль уносит восвояси» лирического героя в «Детстве», «Пошел я по белу свету», – говорит лирический герой в «Восточных мотивах». Отличие состоит в том, что в первом стихотворении это небольшой временной интервал, где переплетаются дух захватывающее движение («И лесов летящих рать») и чистое, по-детски интуитивное восприятие абсолютной истины, а во втором – это поступательное движение взрослеющего лирического героя на протяжении длительного периода. Вспомним также мифологическую небесно-земную дорогу полночного бора из стихотворения «Обрыв», «нечаянный мост над колеблемой бездной» – зыблущаяся, словно подернутая туманом статика, прибытие в точку невозврата.

Кроме упомянутых лексических средств эти эффекты достигаются определенной *ритмикой*. «Детство» написано четырехстопным хореем с опоясывающей рифмой, благодаря чему усиливается ощущение легкости и стремительности. «Восточные мотивы» представляют собой нерифмованный логаяд, причем первые три строки трехсложные, четвертая двухсложная. Третья, четвертая и пятая строфы построены по тому же ритмическому рисунку, но увеличены на одну строку, что добавляет весомости данному коммуникативно-риторическому блоку, словно автор обстоятельно отвечает на предполагаемый вопрос читателя: «Что случилось с лирическим героем, когда он земную жизнь прошел до половины?» После него катрен из повторяющейся строки «И снова платить придется за то, что дается даром» звучит внушительно и подчеркнуто глубоко. Этот катрен – своего рода разделительная линия между двумя периодами: неомраченным началом пути веселого отрока, перипетиями, поисками ответов на вопросы и осознанием, принятием себя, одинокого и благодарного путника.

В седьмом катрене лирический герой вопрошает: «Не знаю, с чего всё это мне с детства являлось, не знаю, что совершилось на вольной дороге». «Всё это», как мы предполагаем, может быть отсылкой к мифическому, почти потустороннему переживанию из «Детства». То самое растворение лирического героя в текущем моменте до самозабвения, состояние, близкое к просветлению, то, что дается даром, но за что приходится платить. Разделяя с автором одиночество в пути, читатель может увидеть во «всём этом» также счастливые совпадения или помощь свыше, способность видеть то, что не видят другие, и, следуя за Сергеем Гонцовым в стихотворение «Возвращение», за талант и удачу. Читатель решит в меру возраста и опыта, чем именно будет расплачиваться лирический герой: болезнью, одиночеством, гордыней, духовным бродяжничеством в поисках опоры.

Торжественно-жуткое ощущение соединения вечности и времени, пересечения вертикалью горизонтали («всадник с крыльями златыми наравне с тобой летит») и неготовность принять этот дар, превышающий на тот момент вместимость души лирического героя («страшно дивного родства, страшно вьющейся одежды»), экстраполируется в «Восточные мотивы», где ответ на вопрос «Господи, кто я такой?» уже найден, и зрелый, умудренный опытом лирический герой ступает по белу свету под всевидящим оком «вестницы ясноокой», той самой, что окликнула его в начале стихотворения. Но антропометрический образ Свободы в финальном катрене трансформируется в одну из самых абстрактных субстанций, в звук. Этот звук рождается свирелью, «вестницей ясноокой», древнейшим музыкальным инструментом, который наряду с колоколами и гуслиями способен преобразовывать окружающее пространство и время и вызывать то самое «ощущение свободы, которое сложно испытать за пределами метафизического пространства стихотворения» [3, С. 69]. Стоит отметить, что «звук» как концепт обладает рядом достойных внимания компонентов, таких как «отголосок древней памяти человека о гармонии с природой и мера нравственности» [12, С. 229]. Символическая фигура Свободы проявляется в тварный мир звуком, фонемой, священным слогом. Свобода вольного человека, счастливого и совестливого, ответственного за свой выбор снисходит на лирического героя в «Восточных мотивах» подарком в сомкнутые ладони, в отличие от «Детства», где она ложится преходящим бременем на плечи. В «Обрыве» она предстает «небесно-земным растением дороги полночной», проводником туда, где «без неба не сделать и шага».

Метаконцепты «язык» и «время» то и дело пересекаются и дополняют друг друга в рассматриваемых стихотворениях. В «Детстве» – притягательная созидательная мощь слова, которую только предстоит расшифровать («Ледяная благодать недоступного реченья»), признание своей неспособности ее расшифровать и интуитивное принятие первостепенности Слова как Логоса, Духа, великой творческой спасительной силы («Страшно <...> отреченья и надежды на прекрасные слова»). Страшно, потому что имя – «самооткровение вещи, оно принадлежит вещи, а не говорящему» [2, С. 6]. В «Восточных мотивах» пронизанный светом лирический герой вдруг осознает, что «прежде мира другой величался». Слово предшествует миру, миры могут сменять друг друга, отличаться друг от друга, «и только прекрасной свободы дыханье, веянье, облик все те же, что раньше». В «Обрыве» поэт противопоставляет имя и речь («Прекрасной и ясной земле, что вчера простиралась, есть новое имя, но речь весела и бездомна»). Имя взаимодействует с сознанием и мышлением, являясь с момента своего рождения реально действующей антропокосмической силой [7, С. 8]. Речь, как вторичное проявление языка-знака, не способна проникнуть в тайну имени. «Трансцендентная сторона символа никогда не может быть найдена в чувственно-умозрительном опыте» [5, С. 30]. «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты –

хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, настолько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [14, С. 266–267]. Сергей Гонцов раскрывает тайну Имени всеми доступными человеческому языку средствами, сжимает пространство и время, позволяя читателю, исходя из его личного чувственно-умозрительного опыта, пережить подобие того, что пережил сам. Такое сжатие до точки «здесь и сейчас» свидетельствует о проявлении в поэтическом тексте синхронности, т.е. процесса «конгруэнтности смысла и явления в языке-знаке в меоническом времени» [5, С. 21]. Стихотворение «Обрыв» заканчивается катреном, которое резюмирует вышесказанное и как нельзя лучше подтверждает, что слово доминирует над временем, время боготворит язык.

А время внизу. И несчетные крыши земные,
И рощи нагие, повитые дымом веселым,
И чудные песни. И темные крылья иные
Всенощной печали, что словом разъята высоким...

Заключение

Дополняя и обогащая друг друга, метаконцепты «время» и «язык» одновременно служат источником для неиссякаемых творческих исследований и являются инструментом познания и опорой в поисках ответов на важные метафизические вопросы. Подробно проанализировав лексические, фонетические, ритмические и грамматико-синтаксические выразительные средства предложенных стихотворений, мы приходим к выводу, что данные метаконцепты соотносятся друг с другом как малый круг к большому и приравниваются к ценностям. Мы выделили текстовые доминанты, которые это подтверждают, и предложили интерпретации знаков-концептов в рецептивной фазе с позиции читателя. Хотя предложенный анализ является субъективным, полученные данные могут быть использованы для дальнейших филологических исследований богатого поэтического наследия С.А. Гонцова, а также в практическом аспекте для перевода указанных стихотворений на иностранные языки.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бродский И.А. Малое собрание сочинений / И.А. Бродский. — Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2017. — 880 с.
2. Булгаков С.Н. Философия имени / С.Н. Булгаков. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 446 с.
3. Гусева Е.Н. Дополнительный компонент хронотопа в творчестве Сергея Гонцова (на примере стихотворений "В красном тереме" и "Обрыв") / Е.Н. Гусева, З.Р. Ночевкина // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы. — Рязань : РязГМУ, 2024. — С. 66–71.
4. Ефимова А.Д. Метаязыковедение как способы языкового отражения и реконструкции структуры и содержания транснациональных концептов и метаконцептов / А.Д. Ефимова // Преподаватель XXI век. — 2023. — № 4-2. — С. 423–436.
5. Канафьева В.В. Язык и время: философско-онтологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / В.В. Канафьева. — Саратов, 2006. — 336 с.
6. Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода / Я.М. Колкер. — Москва : Гуманитарий, 2014. — 497 с.
7. Лескин Д.Ю. Ономастодоксия как необходимое условие христианской философии в творчестве Алексея Федоровича Лосева / Д.Ю. Лескин // Поволжский вестник науки. — 2024. — № 3(33). — С. 7–10.
8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 2001. — 558 с.
9. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А.Г. Лошаков. — Киров, 2008. — 48 с.
10. Меньшова С.И. Концепты «добро» и «зло» в структуре метаконцепта «нравственность» / С.И. Меньшова // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. — 2009. — № 3. — С. 78–86.
11. Проскурин С.Г. К вопросу о когнитивной сущности концептов и метаконцептов / С.Г. Проскурин, А. В. Проскурина // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 3(50). — С. 336–339.
12. Романцова Т.Д. Метаконцепт «язык» в газетной публицистике В. Распутина конца 1980-х — начала 1990-х гг.: когнитивно-прагматический аспект / Т.Д. Романцова // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8, № 3. — С. 219–236.
13. Ростовцева И.И. Область наивысшей красоты / И.И. Ростовцева // Наш современник. — 2016. — № 6. — С. 236–243.
14. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 621 с.
15. Online Etymology Dictionary. — URL: <https://www.etymonline.com/word/concept> (accessed: 28.01.2025).
16. Rosenthal M. New Poetry in Translation: Writing Is Translation Is Writing / M. Rosenthal // The American Poetry Review. — 2014. — Vol. 43, № 4. — P. 9–11.

17. Salinger H. Time in the Lyric / H. Salinger, P. F. Werner // Studies in German Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries : Festschrift for Frederic E. Coenen. — 1970. — № 67. — P. 157–173.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Brodskii I.A. Maloe sobranie sochinenii [A small collection of essays] / I.A. Brodskii. — Saint Petersburg : Azbuka : Azbuka-Attikus, 2017. — 880 p. [in Russian]
2. Bulgakov S.N. Filosofiya imeni [The philosophy of the name] / S.N. Bulgakov. — Saint Petersburg : Nauka, 2008. — 446 p. [in Russian]
3. Guseva E.N. Dopolnitel'nyi komponent khronotopa v tvorchestve Sergeya Gontsova (na primere stikhotvorenii "V krasnom tereme" i "Obriv") [An additional component of chronotope in the work of Sergei Gontsov (on the example of the poems 'In the Red Tower' and 'The Precipice')] / E.N. Guseva, Z.R. Nochevkina // Mezhdkul'turnaya kommunikatsiya v edinom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i perspektivy [Intercultural communication in a common educational space: problems and prospects]. — Ryazan : Ryazan State Medical University, 2024. — P. 66–71. [in Russian]
4. Efimova A.D. Metavyskazyvaniya kak sposoby yazykovogo otrazheniya i rekonstrukcii struktury i sodержaniya transnatsionalnykh konceptov i metakonceptov [Meta-statements as ways of linguistic reflection and reconstruction of the structure and content of transnational concepts and metaconcepts] / A.D. Efimova // Prepodavatel XXI vek [Teacher of the XXI century]. — 2023. — № 4-2. — P. 423–436. [in Russian]
5. Kanafeva V.V. Yazyk i vremya: filosofsko-ontologicheskii analiz [Language and time: a philosophical and ontological analysis] :dis. ... dr. philos. sciences': 09.00.01 / V.V. Kanafeva. — Saratov, 2006. — 336 p. [in Russian]
6. Kolker Ya.M. Poeziya i proza khudozhestvennogo perevoda [The poetry and prose of fiction translation] / Ya.M. Kolker. — Moscow : Gumanitarii, 2014. — 497 p. [in Russian]
7. Leskin D.Yu. Onomatodoksiya kak neobkhodimoe uslovie khristianskoi filosofii v tvorchestve Alekseya Fedorovicha Loseva [Onomatodoxy as a necessary condition of Christian philosophy in the work of Alexei Fyodorovich Losev] / D.Yu. Leskin // Povolzhskii vestnik nauki [Volga Region Bulletin of Science]. — 2024. — № 3(33). — P. 7–10. [in Russian]
8. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectics of myth] / A.F. Losev. — Moscow : Mysl, 2001. — 558 p. [in Russian]
9. Loshakov A.G. Sverkhtekst: semantika, pragmatika, tipologiya [Supertext: semantics, pragmatics, typology] : abstract of the dissertation of the doctor of philology : 10.02.01 / A.G. Loshakov. — Kirov, 2008. — 48 p. [in Russia]
10. Menshova S.I. Kontsepty «dobro» i «zlo» v strukture metakontsepta «nравstvennost» [Concepts 'good' and 'evil' in the structure of the metaconcept 'morality'] / S.I. Menshova // Vestnik TvGU. Ser.: Filologiya [Bulletin of TvSU. Series: Philology]. — 2009. — № 3. — P. 78–86. [in Russian]
11. Proskurin S.G. K voprosu o kognitivnoi sushchnosti kontseptov i metakonceptov [On the cognitive essence of concepts and metaconcepts] / S.G. Proskurin, A.V. Proskurina // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language]. — 2022. — № 3(50). — P. 336–339. [in Russian]
12. Romantsova T.D. Metakontsept «yazyk» v gazetnoi publitsistike V. Rasputina kontsa 1980-kh — nachala 1990-kh gg.: kognitivno-praksiologicheskii aspekt [Metaconcept 'language' in V. Rasputin's newspaper journalism of the late 1980s — early 1990s: a cognitive-praxiological aspect] / T.D. Romantsova // Medialingvistika [Medialinguistics]. — 2021. — T. 8, № 3. — P. 219–236. [in Russian]
13. Rostovtseva I.I. Oblast' naivysshhei krasoty [An area of supreme beauty] / I.I. Rostovtseva // Nash sovremennik [Our contemporary]. — 2016. — № 6. — P. 236–243. [in Russian]
14. Khaidegger M. Vremya i bytie [Time and Being] : articles and speeches / M. Khaidegger. — Saint Petersburg : Nauka, 2007. — 621 p. [in Russian]
15. Online Etymology Dictionary. — URL: <https://www.etymonline.com/word/concept> (accessed: 28.01.2025).
16. Rosenthal M. New Poetry in Translation: Writing Is Translation Is Writing / M. Rosenthal // The American Poetry Review. — 2014. — Vol. 43, № 4. — P. 9–11.
17. Salinger H. Time in the Lyric / H. Salinger, P. F. Werner // Studies in German Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries : Festschrift for Frederic E. Coenen. — 1970. — № 67. — P. 157–173.